

Дети наши — отличные дети. Эти слова принадлежат Алексею Максимовичу Горькому, всегда требовавшему крайне внимательного и чуткого отношения к детям. Перечитывая его статьи, посвященные детской литературе, мы видим, как мудро разрабатывал великий писатель тематику книг для ребят. Он настаивал на том, чтобы были написаны книги, рассказывающие детям, что такое философия, что такое белок, строение человека, значение пустоты в технике, соотношение материалов и т. д. «Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу», — писал Алексей Максимович.

За эти годы в советской литературе появилось много хороших произведений для ребят. С. Маршак, В. Катаев, С. Михалков, А. Гайдар, В. Биерини, А. Барто, Б. Пастернак, П. Ликостанов и многие другие рассказывали детям в своих книгах о нашей великой Родине, о героической Советской Армии, о людях труда. Умная книга открывает перед юным читателем большой радостный мир, пробуждает стремление быть похожим на героев, которых рисует писатель.

Можно с уверенностью сказать, что детский читатель — самый впечатлительный, он хочет «все видеть и все знать». Этим определяется воспитательное значение детской литературы, помогающей школьнику разбираться в жизни, дающей ему возможность все видеть и знать.

Латышская литература в период буржуазной Латвии преподносила ребятам книги с суавально-пуританской моралью, в которых на всех ладах расхваливались добродетельные мальчики, верные друзья с бедным, воспевавшая сила бога, загромождала жизнь, борьба ангела с дьяволом. Подобные книги скрывали социальную правду жизни, пытались воспитать в детях преданность перед богатством, покорность и подчинение. Такая литература калечила психику ребенка, указывая, что путь в счастье лежит через обман, житейские хитрости, роговые случаи. Извлекать отсюда была сказочная фава, которая спасает только послушных и терпеливых. Уродливые черты человека, наклонность к убийству и бандитизму всячески пропагандировались и считались сместью и доблестью.

Конечно, были и хорошие, интересные детские произведения. Ян Райнис в свое время с большой любовью и вдохновением писал стихи для детей. Популярны рассказы для юного читателя одного из старейших писателей Латвии — Э. Бирманека-Ушты, продолжающего и сейчас плодотворно работать в этом жанре. Ряд рассказов для детей и юношества написал Роберт Сеиз.

В наше советское время лучше писатели Латвии считают своим почетным долгом писать для детей. Известны рассказы Андрея Ушты, Анны Саксе, Ариды Григулис, Индриса Лемписа, стихи Валдиса Лукса, Штеера Селаса и других.

Советская латышская литература для детей имеет принципиально новое, совершенно иное содержание. Она воспитывает ребят в коммунистическом духе, в любви к Родине, учит их быть бесстрашными, смелыми, морально стойкими.

В годы Великой Отечественной войны Анна Саксе написала для детей повесть «Три сараичка», в которой показано, как латышские деревенские ребята помогали партизанам бороться против немецко-фашистских захватчиков. С большим художественным мастерством, с педагогическим тактом нарисованы портреты детей. Рассказы Анны Саксе для детей и юношества объединены в книге «Новая смена». Этот сборник имеет воспитательное значение. Перечитывая его, школьник осознает, что стать полезным человеком в обществе можно только, если будешь упорно учиться и трудиться.

Эта мораль нашего социалистического общества трактуется писательницей умело, с психологическим углублением в образы героев произведения.

Можно перечислить еще несколько произведений, написанных латышскими писателями для юношества и детей, но надо прямо сказать, что еще мало хороших книг для ребят и мало писателей пишут для них. Пора отказаться от неправильного представления, продолжающего жить в писательской среде, что литератор, пишущий для взрослых, — «серьезный автор», а детский писатель — якобы писатель легкого жанра. Такая тенденция, к сожалению, еще встречается. Это обидное определение основано на неправильном понимании великой роли нашей детской литературы. Самые лучшие мастера и корифеи мировой литературы — Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Чехов, Горький, Короленко, Райнис, Колбонский — всегда писали для детей. Эти примеры должны воодушевлять всех нас.

Детский писатель — это должно производиться с гордостью. Это человек, который формирует сознание, мысль, духовное состояние будущего строителя и участника коммунистического общества. Кто из

нас не помнит! Хо сих пор первой книги, прочитанной в детстве, книги, которая взволновала нашу ребячью душу, открыла новые горизонты, оставила неизгладимый след на всю жизнь! Такие книги уже есть в нашей советской литературе. Назовем «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. Эти книги учат мужеству. Нынешней весной во время экзаменов в одной из рижских школ была задана тема: «Кто ваш любимый герой?». Школьники ответили: «Павка Корчагин и Алексей Мересьев».

Бардинально вопрос о детской литературе, о той детской литературе, о которой мечтал Горький, может быть решен только в том случае, если это станет кровным делом всех лучших советских писателей. Она должна стать большой литературой. Она должна стать большой литературой. Это нам по плечу, и мы должны это сделать.

Второй, не менее важный вопрос — это о современной тематике в детских книгах. Горький в своей замечательной статье «Литература — детям» разработал целую тематику, которая, к сожалению, недостаточно используется нашими писателями. Например, Максим Горький указывал, что нужна «книга о том, откуда вылезла частная собственность и как она препятствует развитию человечества, как торжествует она свободу развития научной мысли». Такой книги у нас нет. А как она необходима, особенно сейчас, когда обострилась борьба между силами демократии и реакцией! Как бы она помогла нашему школьнику осознать превосходство социалистического мира над капиталистическим!

Я думаю, что наша советская литература для детей призвана воспитывать у юного читателя прежде всего любовь к труду. Труд, свободный, творческий, радостный, сделал человека нашей страны поистине великаном. Всем известны имена Паши Ангелиной, Александра Чуткина, Марии Волковой и других знатных сталхановцев. Где вдохновенная книга для ребят о таких людях? Речь идет не о публицистическо-биографических очерках, а о художественном произведении, в котором труд таких людей был бы показан как подвиг, ставший законом и правилом жизни.

Советский Союз — страна трудовых дерзаний. Мы строим коммунистическое общество. Своим трудом советские люди преобразуют страну. Нам нужны опытные инженеры, агрономы, врачи, геологи, машинисты, комбайнеры, токари. Уже с детских лет, со школьной скамьи надо воспитывать у юного поколения любовь к труду, сознание необходимости труда. Детская литература призвана передать поэзию и романтику труда в нашей стране. Труд в нашей стране — это радостное прование духовных и физических качеств человека, человека-творца, создателя, великого мастера жизни. Книги о труде и о людях труда должны увлекать детей.

Воспевая труд, нужно художественными средствами объяснить детям, почему в нашей Советской стране труд из тяжелого бремени превратился в жизненную потребность человека, что влетел наших людей на трудовой подвиг. Так изрекает тема любви к Родине, к народу, благородная тема советского патриотизма.

Такие книги особенно необходимы в тех советских республиках, где еще недавно частная собственность на средства производства и эксплуатация трудящегося человека были обычными явлениями. Отцы и братья сегодняшних школьников Латвии еще вчера трудились на капиталиста. У нас в республике сейчас популярна стихотворная фабрика «Большевичка» Эмилы Вагина. Она выполняла уже одиннадцать годовых номеров. Ее часто спрашивают: — Почему в условиях буржуазной Латвии вы не работали так?

— Сегодня моей работой интересуется народ, для которого я тружусь, — отвечает она. Этой фразой сказано все. Вот на таких примерах надо показывать детям, как социалистический труд раскрепостил силы человека.

За последнее время в латышской литературе появились новые произведения о детях и для детей. Арида Григулис написала хорошую повесть «Третья бригада» — о колхозных ребятах. В этом произведении писатель сумел ярко и убедительно показать юных тружеников латышской вохлойской деревни.

Эта повесть была отмечена на недавнем республиканском конкурсе на лучшую детскую книгу. Кстати, надо заметить, что из большого количества рукописей, поступивших на конкурс, теме труда было посвящено всего лишь несколько произведений. Хотелось бы школьнику, прочитав книгу о трудовых подвигах советского человека, сказать: «Я хочу быть таким!»

В нашей стране рождаются замечательные дети. В них живут качества, позволяющие в суровые дни Зое Космодемьянской и Олегу Кошевому обессмертить свой именов. Сограде сталинской заботой и лаской, новое поколение идет на смену своим отцам и братьям. Гражданский долг писателей латышского поколения вдохновенные книги о нашей славно-героической сталинской эпохе, помочь партии и правительству совершенствовать качества, заложенные в наших детях.

Вилис ЛАЦИС

За чистоту родной речи

За последние десятилетия наш технический язык необычайно обогатился. Если собрать воедино все технические термины, список во много раз превзойдет «Словарь современного русского литературного языка», в который, как известно, включено 230 тысяч слов. Значит, технических терминов исчисляется уже миллионами.

Но этот богатый язык засорен необоснованными и часто ненужными иностранными заимствованиями, которые стали особенно широко проникать в техническую литературу с середины прошлого века. Как уже писалось в нашей газете, назрела необходимость очистить, наконец, родную речь от словесных сорняков.

Что сейчас делается в этой области? Специальная комиссия, выделенная тремя союзными министерствами — легкой промышленности, машиностроения и приборостроения, высшего образования, установила первые 40 новых наименований в текстильном производстве. Они касаются сырья, процессов прядения, ткачества, крашения, отделки, производства искусственного волокна и вводятся в практику с 1 октября

1949 года. Комиссия продолжает свою работу, критически пересматривая остальные наименования, применяемые в легкой промышленности.

Эта работа проводится при методической помощи Комитета технической терминологии Академии наук СССР. Комитет исследует общие вопросы научного обоснования терминологии и разрабатывает системы наименований в технических дисциплинах. Недавно закончено составление проектов Государственных общеобязательных стандартов рекомендуемых терминов в области классификации металлов, техники разрезания газов (вакуумной техники), коррозии металлов, а также буквенных обозначений общей механики.

Проекты широко обсуждались на кафедре высших учебных заведений, в отраслевых научно-исследовательских институтах и на предприятиях. Получено большое количество отзывов и предложений. На одну только работу по классификации металлов отзывы поступили от семидесяти учебных заведений, научных учреждений и предприятий, по общей механике — от ста тридцати.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (2559)

Среда, 7 сентября 1949 г.

Цена 40 коп.

На главную улицу устного творчества

П. БАЖОВ

В дореволюционном прошлом, как известно, устным творчеством рабочих являлись пренебрегали. Наиболее реакционная часть ученых и литераторов пыталась даже отрицать самую возможность сколько-нибудь ценного творчества среди рабочих, этих «развращенных фабрикой», «сбившихся с пути крестьян». Причем в подтверждение этого взгляда обычно приводились образцы устного творчества деклассированных элементов. Лишь немногие прогрессивные литераторы по достоинству оценивали устное творчество рабочих и сумели провести через рогатки царской цензуры подлинные образцы этого творчества.

В советское время отношение к рабочему устному творчеству, разумеется, изменилось коренным образом. Кроме декларативных утверждений о большой значимости устного творчества рабочих, мы имеем и ряд ценных работ по сбору и литературной обработке этого творчества. Но справедливость требует сказать, что традиция дореволюционной фольклористики все-таки продолжает действовать, и в силу этого устное творчество рабочих до сих пор остается у нас на теневой стороне улицы: его не всегда увидишь даже в таких работах, где оно должно занимать первое место.

Как видно, и здесь, как и в искусстве и литературе, многие идут по старым ориентирам, не могут освободиться из плена старых понятий и навыков, усвоенных с ранних лет.

Чтоб не быть голословным, приведу один пример, который, к сожалению, надо считать типичным.

Не так давно вышла книга «Предания и сказки Оренбургских степей». Составил эту книгу П. Завьяловский, который произвел на меня впечатление нередкостью трудолюбивого, внимательного и преданного делу человека. В книге все сделано по принятым правилам. По каждой записи есть отсылка о времени и месте записи, дана в приложениях характеристика сказителя и указаны варианты этой же записи, встречающиеся в других печатных источниках.

Но останавливаясь на разборе книги, отмечу лишь, что некоторые записи удивляют. К числу таких надо отнести сказание, которым открывается книга, — о происхождении названия Вазулука. Оказывается, местность, где затем были построены русская крепость и поселок, посетил однажды казах, у которого на еду был лук, а на пьюе буза. И вот потому, что они пили бузу и ели лук, и стало называться то место Вазулука.

Конечно, ни составитель сборника, ни его редактор не могли думать, что кто-нибудь примет подобное измышление неумного человека за мудрое, глубокое, исторически правдивое и яркое по форме народное творчество. Почему же тогда эта благоглупость печатается в сборнике на первом плане?

Очевидно, только потому, что привадо это от «сказателя», имеет местный колорит и, может быть, повторяется кое-где из неграмотных стариков и старух. По этим внешним признакам задураченный рассказчик какого-нибудь старого дьячка и зачислен в народное творчество.

Не лучше обстоит дело и с излюбленными старой фольклористикой вариантами давно известного. Есть даже вариант «Золушки». Поинти, что в этой записи встречаются интересные вещи вроде того, что попки Золушки колются девушкой, которая у дьякона «страшной работает», но стоит ли ради таких деталей воспроизводить общеизвестную сказку в полном объеме? Разве это далекошло от меры старых фольклористов давать одно и то же раз с поканьем, раз с чоканьем, раз с вишюканьем и т. д.?

Эта любовь к бесконечным вариантам, порой из-за самого незначительного стилистического-па даже фонетического изменения, а также определение народного творчества «по сказителям и бытованию», мне кажется, немало мешает сбору того устного народного творчества, которое до сих пор оставалось у нас в тени.

Сожалю, на пример той же книги П. Завьяловского «Предания и сказки Оренбургских степей».

В работе сбора преданий и сказок, как известно, имеются редкие по своему богатству и минералогическому разнообразию месторождения орской яшмы, которая известна по всему миру. Нельзя сомневаться, чтобы об этом редком месторождении не было рассказов реалистических и фактических: о первооткрывателе, о разработке и обработке. Между тем в сборнике об этом нет ни полслова.

Я вовсе не хочу укорить тов. Завьяловского. Он, может быть, просто не имел возможности внимательно посмотреть в эту сторону. Его книга — лишь ближайший пример, характерный для работ такого рода. Многочисленные студенческие экспедиции и экскурсии по сбору устного народного творчества обычно дают такие же результаты: привезут ворох вариантов старых сказок, песен, поговорок, вместо современного народного творчества — стихи и рассказы деревенских стенгазетчиков. Среди этих стихов и рассказов, разумеется, встречается и очень яркое, но равняют их с народным творчеством все же никак нельзя. Что касается устного творчества старых рабочих, то оно, как правило, остается попрежнему неадекватным полем.

Прогрессирует это, как я уже говорил выше, потому, что мы здесь все еще не смели и не дополнили старые ориентиры. Ведь как производится сбор устного народного творчества?

Привезают в какой-нибудь район более или менее подготовленные, т. е. хорошо знающие своих предшественников люди и в первом делом разыскивают сказителей и сказательниц.

Таких, как наши прославленные хранители народного творчества на Севере, в другом месте, пожалуй, не найдете, но ведь есть старики и старухи, знающие в своем деле раздвигают сказителей и сказательниц.

Хотят они весной проснувшись поздно и путем извлекать текала, Но сестру свою догнала грозно. Гневная, к Зубову подошла.

И Вазуза, с Волгою не споря, Просит донести ее до моря, Ей самой, усталой, не дойти — Не собрал силы по пути.

Что ж, сестра родная — не обуза! Две реки в пути слились в одну. С той поры шумливая Вазуза Будет Волгу каждую весну.

— Просыпайся, старшая сестра, Пробираться к морю нам пора!

В наше время Волга и Вазуза — Две реки Советского Союза,

Говорит народ, что у сестер До сих пор между собою спор.

Спорят река Волга и Вазуза, Спорят с Доном, Обью и Дняпой, Кто из них подымет больше груза, Больше рыбы даст земле родной, Кто прогонит летом больше снега.

Всем советским рекам — честь и слава!

зультате получаются бесконечные варианты давно известного, а иногда через этих сказителей народное творчество засоряется пустяками, придуманными досужными людьми.

Пили бузу, ели лук — стал Вазулука. Был хан Ир, он на этом месте бит, — вышел Ирбит.

Вероятно, и среди такой шелухи можно найти немало забавного и любопытного, но нельзя выдвигать это с серьезным видом за народное творчество только потому, что рассказывает это неграмотный человек преклонного возраста.

Здесь нужен первый ориентир оценки рассказа по его содержанию.

Нужна большая поправка и по части вариантов. Нельзя же записывать целиком общеизвестные в литературе вещи, если их рассказывают по памяти своими словами. Мне, например, известен был один слепец, который за два вечера рассказывал роман А. К. Толстого «Князь Серебряный», и другой старик, который с ошибками читал произведения А. С. Пушкина. Так неужели это и есть народное творчество, которое надо записывать полностью?

В отношении же сбора рабочего устного творчества надо коренным образом изменить методы работы.

Основная ставка здесь должна быть не на связный рассказ, а на биографию рассказчика. Если он долгие годы работал по любой отрасли, он, разумеется, знает немало интересных рассказов, хотя и не привык о них говорить другим. Слова одного могут быть полновесными или исправлены другими. В результате получается то, чего мы еще не знали. Причем это ловое неизбежно будет иметь местный колорит и высокие качества устного народного творчества.

Для примера приведу не рассказ, а короткое присловие, слышанное мной в Березовском заводе, где женщины в прошлом занимались огранкой мелкого камня для ошши ияон, «гнали божию искру из обоя», как они про себя говорили.

О своей работе эти искровщицы говорили: — Божий венчик хорошо искрится, да мне не видно: ослепла на работе.

— Кто на бога, а мы на подрачка! Авдакова.

Думаю, что в приведенном присловии не найдется вариантов в сборниках послевиди и в то же время ясно их рабочее происхождение.

А терминология старых производственников? Разве она не стоит того, чтоб ее собирали самым внимательным образом?

С рассказами труднее, но можно и их собрать немало, если почаще прибегать к общим беседам со стариками-производственниками, когда они дополняют один другого, а порой и спорят.

Вот этот решительный поворот от «сведешничества» к производственникам и есть главное, что должно быть сделано в области сбора устного народного творчества. И тогда наши сборники, бесспорно, примут иной вид. На главную улицу выйдет тот вид народного творчества, который представляет для нас особую ценность.

ЧАПАЕВА

Имя легендарного полководца гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, тридцатилетие со дня гибели которого исполнилось 5 сентября, хорошо знают не только в нашей стране, но и за ее пределами. О нем написано много книг, рассказов, повестей. По данным Всесоюзной книжной палаты, выпущено в свет 173 издания художественной литературы, посвященной В. И. Чапаеву.

119 раз отдалым изданием на 34 языках народов нашей страны выходящая книга Д. Фурманова «Чапаев». Обшир ее тираж превышает два миллиона десят тысяч экземпляров. Эта книга напечатана на многих языках народов СССР — украинском, белорусском, грузинском, армянском, таджикском, казахском, киргизском, абхазском, кумыкском, мордовском и других.

Научные сессии, посвященные А. Н. Радищеву

В течение двух дней — 5 и 6 сентября — в Москве проходила научная сессия, посвященная 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. Ее созвали отделения литературы и языка, истории и философии Академии наук СССР.

Сессию открыл член-корреспондент Академии наук СССР А. Егоров, кратко охарактеризовавший жизнь и творчество писателя-революционера. Были заслушаны доклады о мировоззрении А. Н. Радищева, его поэзии, общественно-политических и исторических взглядах писателя.

К сессии была приурочена выставка, организованная Фундаментальным библиотечным отделением Академии наук СССР. Среди представленных на выставке книг — 18 изданий «Путешествия из Петербурга в Москву», а также один из немногих рукописных списков этого произведения на 524 страницах.

Сегодня, 7 сентября, состоится научная радищевская сессия Отделения экономики и права Академии наук СССР.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

♦ Москва. Главное управление по делам сельского и колхозного строительства при Совете Министров РСФСР организует в областях и краях 80 краткосрочных школ и курсов по подготовке мастеров и руководителей колхозных строительных бригад.

♦ Сталинабад. Таджикская книжная палата выпустила летопись, которая содержит названия книг, вышедших на таджикском языке за последние одиннадцать лет. За это время тиражом более полутора миллионов экземпляров выпущены произведения советских писателей: романы А. С. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, М. Лермонтова, М. Горького, книги писателей-депутатов Сталинской премии и многие другие.

♦ Ленинград. Под редакцией академика С. Обнорского вышел в свет первый том «Труд» Института русского языка Академии наук СССР. В нем печатается работа, посвященная этимологическому словарю, а также статьи ученых по отдельным проблемам русского языка.

♦ Харьков. Радиолекторий организован на отдаленной лесной станции Руинтин, Южной железной дороги. Сюда собираются железнодорожники и члены их семей, чтобы коллективно прослушать лекцию или другую передачу. Комнаты коллективного радиослушания уже организованы на ста станциях, в путевых казармах и общежитиях Донецкого округа железных дорог.

♦ Тула. Тульский исторический музей организовал еще при Петре I в музее более трех тысяч видов отечественного и иностранного оружия. На двух музейных залах экспонаты оружия Великой Отечественной войны. 82 экспоната передаст в музей доктор технических наук, Герой Социалистического Труда Ф. В. Токарев. Экспонаты ляют представление о том, как конструктор работал над созданием автоматического винтовки и пистолета.

♦ Львов. Здесь организован новый минералогический музей, в котором насчитывается около 40 тысяч образцов минералов всех стран мира.

С. МАРШАК

НОВЫЕ СТИХИ

Волга и Вазуза

Русская народная сказка

Меж болот из малого колодца Ручеек холодной струйкой льется.

Неприметно этот ручеек, Перейдешь его через дощечку.

А глядишь — ручей разлился в речку, Хоть местами речку эту вброд И цыпленок летом перейдет.

Но поят ее ключи, потоки И снега и львины летних гроз, — И течет она рекою широкой, Разливается в спокойный плес, Пенится под плывами колес.

Перед нею путь большой и долгий — Из лесного края в край степной. И зовут ее рекою Волгой — Матушкой, кормилицей родной.

Волга — рекам родины царя. Ни одна не может с ней сравняться.

Высятся над Волгой города. На волнах качаются суда, Носят много дорогого груза.

А у Волги есть сестра — Вазуза. Выется Волга, а ее сестра Напрямик течет, крута, быстра. Меж камней бурлит она в пороге, Сердятся, катясь через пороги.

У сестер-красавиц с давних пор Был такой между собою спор: Кто из них сильнее И быстрее, Кто из них умнее И хитрее?

И тянулась тязба долгий век У сестер — у двух соседних рек. Ни одна не уступала в споре. Наконец, решили: «Ляжем спать, А проснувшись, побежим опять, Кто скорее добежит до моря, Ту и будем старшее считать».

Вот зима постала им постели Под широкой крышей ледяной.

Шубою накрыли их метели, Белою одели пеленой.

Но Вазуза пробудилась рано Под покровом вешнего тумана И сестру решила обмануть: Собралась да и пустилась в путь. Говорит: «Прошай, сестрица-Волга, Не жидишь во сне ты будешь долго. Я же той порой по холоду От тебя подальше утекю, Выберу дорожку попрямее И до моря добежать успею!»

Пробудилась Волга в свой черед, Над собой взломала синий лед, Разлилась в полях среди простора, Напились холодных вешних вод И пошла не тихо и не скоро, Не спеша, не мешкая, вперед.

Хоть она весной проснувшись поздно И путем извлекать текала, Но сестру свою догнала грозно. Гневная, к Зубову подошла.

И Вазуза, с Волгою не споря, Просит донести ее до моря, Ей самой, усталой, не дойти — Не собрал силы по пути.

Что ж, сестра родная — не обуза! Две реки в пути слились в одну. С той поры шумливая Вазуза Будет Волгу каждую весну.

— Просыпайся, старшая сестра, Пробираться к морю нам пора!

В наше время Волга и Вазуза — Две реки Советского Союза,

Говорит народ, что у сестер До сих пор между собою спор.

Спорят река Волга и Вазуза, Спорят с Доном, Обью и Дняпой, Кто из них подымет больше груза, Больше рыбы даст земле родной, Кто прогонит летом больше снега.

Всем советским рекам — честь и слава!

Что такое год?

Лодырей пытке не много Войдся В школах у нас. Юная армия В ногу Шагает из класса в класс.

Но, к сожалению, Сегодня Возле одной из школ Встретился мне второгодник. С ним разговор я завел.

— Слушай, Скажи мне вкратце, — Что же тебе за расчет Каждый год оставаться В классе на будущий год?

В три и четыре года Люди закончат у нас План пятилетний завода! Ты же — в два года Класс!

Села колхозные паша, — Только сойдут Снега, — Сколько земля переважут, Сколько засеют га!

Сколько шахтеры В ваботе Вырубит за год пластов. Сколько убоют Китобои В море громадных китов!

Сколько ткачиха полотен Вытут на фабриках в год. Сколько с конвейера сотен Тысяч Моторов сойдут.

Новые рельсы Лягут, Новые тысячи шпал. Любому книжке за год Выпустит толстый журнал.

За год появится новый Многоэтажный дом, Станет членок Корюхой.

А жеребенок — Конем. Голя илуд без возврата, Мчатся вперед — Не назад.

Может ли Сорок летний Длаться два года подряд? Нет, если год этот прожит, — Новый на смену идет.

Значит, и школьник не может Откладывать год! Ты же Одно и то же В школе проходишь опять, С теми, Кто на год моложе, Должен задол повторять.

Знаешь ты сам: Остаешься В классе на будущий год — Значит на век расставаться С классом, изумим вперед.

Был ты вчера на футболе, Славное дело — футбол. Если футбольное поле Не отбывает от школы.

Можешь болеть За «Динамо», Иля за «Торпедо» Болеть, Но поболее за программу Школы советской своей!

Если, не сделав работы, З

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическому вопросу послужили важнейшим стимулом для повышения идейно-политического уровня научно-исследовательской работы и качества преподавания в области советской правовой науки.

За последние два-три года вышло в свет немало учебников, монографий, брошюр и статей по различным отраслям права. Ряд выдающихся трудов наших юристов (академика А. Вышинского, проф. М. Гернета, проф. А. Венедиктова) получили высшую правительственную оценку и отмечены Сталинскими премиями.

Однако серьезные недостатки в научной работе и в преподавании правовых дисциплин еще далеко не устранены. Источники прошлого учебного года показывают, что все еще нередки случаи, когда идейно-политическое содержание лекций, семинаров и практических занятий находится на невысоком уровне.

Существенные недостатки в преподавании юридических наук в значительной мере являются результатом отсутствия учебников по ряду ведущих дисциплин, а также наличия серьезных ошибок и пробелов в имеющихся учебных пособиях.

Как же обстоит дело с литературой по основным юридическим курсам в начале нового учебного года? Какими пособиями придется пользоваться нашим студентам и преподавателям?

Надо прямо сказать, что в этом году положение не улучшилось. Прежде всего приходится отметить, что до сих пор времени не реализовано постановление ЦК ВКП(б) о подготовке учебников по таким важным дисциплинам, как теория государства и права, история Советского государства и права, история политических учений, буржуазное государственное право. Учебники «Уголовный процесс» и «Советское государственное право» исключены приказом министра высшего образования СССР из списка рекомендованной литературы, так как они изобилуют серьезными ошибками.

Но во многих учебниках, которыми студенты юридических вузов должны будут пользоваться, также имеется немало серьезных недочетов. Одной из грубейших политических ошибок, допускаемых отдельными нашими юристами, является немарксистская, антидемократическая, забвение реакционной природы и назначения буржуазного «права и правосудия», стремление отыскать какое-то сходство между советским и буржуазным правом, тогда как некоего сходства, никакой преемственности между ними нет и не может быть.

Характерным в этом отношении является учебник проф. М. С. Строговича «Уголовный процесс». Проф. Строгович не показывает коренного, принципиального отличия советского социалистического уголовного процесса от уголовного процесса буржуазных государств. Он не только объективистски, но чрезмерно одобрительно рассматривает буржуазный уголовный процесс, стремится найти в нем какие-то демократические черты, забывая о том, что буржуазное право, суд, прокуратура, полиция, разведка составляют наиболее реакционную часть государственного аппарата современных империалистических государств, что они играют самую полную роль в борьбе против демократии и прогресса, что именно при помощи этих органов империалистическая буржуазия делает свое черное дело, душит свободу и попирает права трудящихся, организует фальсификационные процессы против коммунистов и других прогрессивных деятелей, осуществляет жестокую расправу с патриотами, покровительствует фашистским погромщикам, поджигателям новой мировой войны, поощряет личное и половое развращение.

Проф. Строгович не показывает противоположности, существующей между советским и буржуазным правом. Для него советский уголовный процесс есть не более как переработанный и приспособленный к условиям социалистического правосудия буржуазный уголовный процесс. Подобные ошибки возможны потому, что некоторые наши ученые-юристы стремятся придумать абстрактные, оторванные от жизни данного классового общества, определения права, его институтов и по-

ятий, полагая, что такие определения могут охватывать все формы и типы права — и рабовладельческое, и феодальное, и буржуазное, и советское. При этом выдвигается важнейшее требование марксистско-ленинской науки — требование конкретного исторического анализа общественных явлений, государственно-правовых систем.

В учебнике проф. Строговича, например, мы читаем: «Таким образом, может быть дано следующее определение уголовного процесса: уголовный процесс есть установленный законом (правом) порядок отношений суда, прокуратуры и органов следствия с гражданами, на которых распространяется деятельность этих органов, в связи с расследованием и разрешением уголовных дел, обеспечивающий установление и наказание лиц, совершивших действия, опасные для господствующего класса и потому расцениваемые уголовным правом как преступления. Это определение является общим и применимо по всякому уголовному процессу, т. е. уголовному процессу любого государства, всякой эпохи» (стр. 9).

Естественно, что, оперируя подобными абстрактными схоластическими формулами, можно дойти до отыскания сходства между советским и буржуазным правом.

Ошибки подобного рода характерны не только для проф. Строговича. Так, учебник Уголовного права (часть общая, 1948 г.), подготовленный Всесоюзным институтом юридических наук, начинается со следующего «причного для всех времен и народов» определения уголовного права: «Уголовное право имеет своим содержанием борьбу с преступлениями, осуществляемую путем применения наказаний» (стр. 1). Спрашивается: какое уголовное право — рабовладельческое? феодальное? буржуазное? советское? По мысли автора — всякое. В учебнике Административного права (1946 г.) говорится: «Административное право является совокупностью норм, регулирующих исполнительно-распорядительную деятельность органов государства» (стр. 9). Спрашивается: какого государства? По мысли автора, всякого — и буржуазного, и советского.

Дав абстрактное определение отрасли права или понятия, применимо ко «всякому государству», подобные авторы далее устанавливают общее между отдельными отраслями права, институтами и понятиями в буржуазном и советском праве, а затем в рамках общего начинают искать особенные, специфические черты советского права. Таким образом, сущность советского права и его институтов сводят лишь к особенностям, специфике, связывая принципиальное, коренное отличие советского права от буржуазного, игнорируют совершенно новое качество советского права, его принципиально иные природу, характер и назначение.

Ошибочным является само построение ряда наших учебников, сам метод освещения институтов и понятий советского права. Некоторые авторы предпосылают рассмотрение отдельных институтов советского права подробнейшее изложение одноименных институтов буржуазного и до-буржуазного права. Уже одно это нередко создает у читателя, независимо от того, знает этого автора или не знает, впечатление преемственности и сходства советского права с буржуазным. Характерным в этом отношении является учебник Уголовного права (часть общая, 1948 г.). В нем почти по каждому важнейшему уголовно-правовому институту сначала излагается рабовладельческое право, потом — феодальное, потом — буржуазное, и лишь после всего этого дается характеристика советского социалистического права (см., например, главу «Общее учение о преступлении», стр. 269).

Такой принцип построения, помимо всего прочего, приводит авторов к тому, что три четверти своей работы, а иногда и больше, они отводят характеристике эксплуататорского права и лишь одну четверть — на изложение советского права. Одной из первоочередных задач советских юристов является борьба с формализмом во всех его разновидностях.

Формализм является одним из опаснейших проявлений буржуазного юридиче-ского мировоззрения в нашей литературе. Он означает выхолащивание политическо-й, классовой сущности правовых институтов, уход от действительности, игнорирование практики, увлечение «юридической техникой», создание наумных, незнанных юридических конструкций и схем.

Ярким примером объективистского формально-догматического подхода к вопросам истории государства и права является учебник «Всобщая история государства и права» (часть II, III и IV, 1947 г.), подготовленный Всесоюзным институтом юридических наук. В этом учебнике вопросы государства и права освещаются абстрактно и схематично, без вскрытия их классовой природы, вне связи с материальными условиями соответствующих эпох. В учебнике дается поверхностное, объективистское описание важнейших государственных учреждений и институтов права эксплуататорских обществ. Напрасно искать в нем характеристику реакционной сущности США, ставших во главе мировой реакции, возмущающих борьбу против СССР и стран народной демократии.

Формально-догматический подход к важнейшим вопросам советского уголовного права имеет место и в учебнике Уголовного права (Особенная часть, 1948 г.). В введении авторы указывают, что «Анализ конкретных составов преступлений необходимо производить на основе уяснения социального смысла как тех общественно-опасных действий, которые выражены в данном составе преступления, так и той борьбы, которую воеет с ними социалистическое государство». Это — безусловно правильное требование, но сами авторы игнорируют его при анализе конкретных составов преступлений. Характеристика подавляющего большинства составов преступлений сведена ими исключительно к догматическому анализу по известной четырехчленной системе: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Этот учебник настолько устарел и ошибочен, что его нельзя ни в коем случае рекомендовать нашим студентам и преподавателям.

Совершенно порочным являются попытки некоторых наших ученых-юристов втиснуть социалистические общественные отношения в рамки укоренившейся старой системы права, в старые формы, конструкции и понятия. Отсюда догматизм, увлечение юридической техникой, бездельность и неполнота в некоторых научных работах по юриспруденции. В этой связи следует остановиться на учебнике Административного права (1946 г.) Н. И. Евтухевича и В. А. Власова, в котором широко используются для объяснения важнейших институтов советского социалистического административного права старая буржуазная система права, старые формулы и конструкции. Все содержание советского административного права авторы сводят к административным актам и административному принуждению (стр. 72). Они явно недооценивают момента добровольного, сознательного исполнения советскими гражданами административных актов. На стр. 101 читаем: «Выполнение административных актов обеспечивается в значительной мере путем применения административных взысканий, а также применения в известных случаях уголовных санкций». Это является грубейшим извращением сущности советского административного права и сводит на-нет все коренное отличие советского права от буржуазного полицейского.

Крупным пробелом в советской юридической литературе является отсутствие работ, посвященных основным этапам развития марксистско-ленинской теории государства и права: возникновению марксистской теории государства и права, ее развитию Марксом и Энгельсом, а затем Лениным и Сталиным. Примером неправомерного освещения роли классиков марксизма-ленинизма в развитии советской юридической науки может служить учебник Международного права, подготовленный Институтом права

Академии наук (1947 г.). «Основоположения марксизма», — говорится в учебнике, — не являются специальными по международному праву и не оставили по нему систематических исследований... «Огромное значение для марксистского развития международного права имеют исследования Ленина и Сталина по национальному вопросу» (стр. 89 и 91).

Таким образом, вместо того, чтобы показать ленинский и сталинский этапы в развитии науки международного права во всем их величии, авторы учебника сводят весь огромный вклад, внесенный Лениным и Сталиным в развитие советской концепции международного права, к разработке только лишь национального вопроса.

Следует отметить, что наши научно-исследовательские институты все еще не идут в ногу с жизнью, несвоевременно изучают и обновляют то новое и наиболее важное, что дает повседневная практика советского государственного строительства, опыт деятельности органов советской юстиции, суда и прокуратуры. Мы совершенно недостаточно занимаемся обобщением опыта государственного строительства и государственного управления. Достаточно сказать, что за многие годы нашими институтами не подготовлено и не выдано ни одной серьезной монографической работы по этим вопросам. Деятельность советского государственного аппарата изучается и обобщается слабо и недостаточно.

Задача юристов состоит в том, чтобы дать стране фундаментальные труды, в которых были бы обобщены всемирно-исторический опыт развития Советского государства и права, опыт работы всех органов советского государственного аппарата.

Советские юристы должны смело взяться за разработку государственно-правовых вопросов стран народной демократии, глубоко изучать процессы развития социалистического государства и права в форме народной демократии, показывать превосходство государства и права стран народной демократии над буржуазными.

У нас нет еще ни одной работы, в которой бы необходимой полнотой было бы показано то возрастающее влияние, которое оказывает развитие Советского государства и права на международную жизнь. Не составляя исключения в этом отношении и учебники по международному праву.

Наша юридическая литература очень мало использует материалы современной общественной жизни, факты, характеризующие антидемократическую, реакционную деятельность США, Англии, Франции и других стран.

В большинстве работ, подготовленных нашими юристами за последнее время, вообще слишком мало, очень общо и не остро говорится о современных буржуазных теориях. Характеристика новейших буржуазных теорий права сводится, по сути дела, к перечню имен и упоминанию тех или иных «течений» в современной буржуазной юриспруденции.

Задача советских юристов — показать глубокий идейный распад, переживаемый буржуазной юридической наукой; показать, что лет такой отрасли буржуазной юридической науки, которая не пошла бы под гнетом влияния империалистической реакции.

Наша задача состоит в том, чтобы на основе марксистско-ленинской теории и политики большевистской партии, неуклонно руководившей принципом партийности в науке, показывать неизмеримое превосходство Советского государства и права над буржуазным, решительно разоблачать буржуазную реакционную идеологию и всякие ее проявления в нашей юридической литературе. Советская правовая наука должна всею силой служить делу дальнейшего укрепления Советского государства и права, являющихся важнейшими рычагами построения коммунизма.

ЛЕНИНГРАД. (Наш спец. корр.). Составившее на днях партийное собрание ленинградских писателей было посвящено задачам борьбы за художественное качество литературы и принципиальную литературную критику. С докладом выступил А. Кривошеина-Лаврентьева. Она привела примеры, когда из-за отсутствия принципиальности у некоторых ленинградских писателей и критиков на страницах журнала «Звезда» и в план ленинградского отделения издательства «Советский писатель» проникли непонятные, а порой и ошибочные произведения.

Некритическое отношение рецензентов «Звезды» к повести Ю. Германа «Подполковник медицинской службы», — сказала А. Кривошеина-Лаврентьева, — можно объяснить только тем, что большевистская принципиальность подменялась у нас порой приятельскими отношениями.

К этому приобщился главный редактор ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Е. Наумов, который в своем выступлении резко осудил небольшое значение повести, уверявшаяся среди некоторой части писателей и мешающая развитию литературы и литературной критике.

Юрий Герман представил свою повесть и нашему издательству, — сказал Е. Наумов. — Мы направили ее на рецензирование двум ленинградским писателям и получили безудержно захваливающие отзывы о повести. Она рецензия написана так: «Издательство давно не получало столь выдающейся рукописи... Автор второй рецензии утверждал, что «Левин — типичный человек нашей эпохи» (1).

В ответ на требования собравшихся назвать фамилии рецензентов Е. Наумов заявил, что он не может этого сделать, так как система закрытых рецензий, введенная в издательстве «Советский писатель» секретариатом ЦСР, якобы не разрешает этого. Таким образом, более чем полное толкование решения секретариата помогло недостаточно принципиальным рецензентам укрываться от резкой и справедливой критики, а Е. Наумову оставаться в своей критике на полпути.

А. Кривошеина говорила о том, что ряд произведений ленинградских писателей не подвергается деловой и объективной разработке. Она указала на недостатки повести

В. Воеводина «Живновоец Билетников», сразу же после опубликования зачисленной газетой «Ленинградская правда» в разряд достигшей нашей литературы. Глубокий партийный анализ идейно-художественных качеств повести, несомненно, был бы полезнее писателям, искавшим «бесспорной» литературы, литературу с большой буквой... Т. Трифонова напомнила, что недавно в Ленинградском отделении ЦСР в присутствии автора обсуждалась повесть «Карьера Бекетова». Повесть называли тогда крупнейшим достижением советской драматургии, автора сравнивали с Островским. Можно ли сказать, что критика проглядела ошибки этой повести и других произведений? Правильное было бы сказать, что не проглядела, а замолчала. — констатировала Т. Трифонова. Однако критика в выступлениях самой Т. Трифоновой носила общий характер. Ни одной фамилии названо не было.

Докладчик, а также секретарь партийной организации ЛенОСР А. Лосев, выступивший в конце собрания, говорил о ряде серьезных недостатков в работе Ленинградского отделения ЦСР. Правление ЛенОСР плохо помогало журналу «Звезда». Правление и секретариат уделяли мало внимания творческим вопросам и слабо руководили работой секций. Творческие секции не выполняли своей роли. Секция прозы за весь год не обсудила ни одного произведения ленинградских прозаиков, в том числе и новой повести В. Пановой «Искупленный берег». А это, казалось, сделать было легко всего, — ведь В. Панова является председателем секции.

Отноко другие ораторы, как правило, избегали затрагивать подобные темы, не решались критиковать «начальство». Не состоялся и разговор о больших, конкретных проблемах литературной критики и эстетике. Прения носили общий характер. В них, казалось, было все: и критика и самокритика. Однако, подобно тому, как это было в выступлениях Е. Наумова, критика доходила лишь до известного предела. Такая половинчатая критика отнюдь не может способствовать устранению недостатков в работе Ленинградского отделения ЦСР и ошибок журнала «Звезда».

Справедливо ли это?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Обращаюсь к вам с просьбой помочь в решении жизненного для меня вопроса.

Я — учитель-пенсияер. Мой педагогический стаж 45 лет. Сейчас по состоянию здоровья я уже не работаю, живу в Магнитогорске на жалованья сына. Еще в 1929 году и получил право на пенсию за выслугою лет.

1 мая 1948 года, еще в то время, когда я жил и работал на Украине, мне была приставлена выплата пенсии. Министерство социального обеспечения УССР распорядилось, что прекращение выплаты пенсии вызвано тем, что мои старые документы о трудовом стаже недействительны, и предложило представить новые справки из тех школ, в которых я в свое время работал.

Пришлось написать в районные отделы народного образования. Они мне и до настоящего времени не ответили, а другие сообщили, что для выдачи такой справки им нужны свидетельские показания двух учителей, с которыми я работал.

Теперь, госудате сами, могу ли я раз-

сказать своих бывших коллег? Я начал педагогическую работу в 1904 году и до революции преподавал в сельских начальных школах, где было два-три учителя, переписка с которыми у меня давно оборвалась. Так, например, в одной из сельских школ я учителем работал 15 лет, но в этой школе давным-давно уже нет тех учителей, которые меня знали.

Выходит, что моему засвидетельствовать, что я был учителем в этой школе? Но о том, что я в ней преподавал, прекращено знает местное население. На основании показаний местных жителей школа мне прислала справку. Казалось бы, чего больше? Но как ни странно, оказывается, что такая справка для Министерства социального обеспечения Украины не является авторитетным документом.

И вот уже пятнадцать месяцев, как я не получаю заслуженной мною пенсии. Справедливо ли это?

Учитель-пенсияер Н. ПЛИСКОНОС МАГНИТОГОРСК

По следам выступлений «Литературной газеты»

«История с медалью»

Под таким заголовком в «Литературной газете» (№ 42) был опубликован фельетон Л. Ленча о волонтерках из областного отдела народного образования города Стално (Доббас). На протяжении более трех лет работницы облоно под разными предлогами

не выдавали золотую медаль Н. Федоровой, которая еще в 1945 году с отличием окончила среднюю школу.

Как сообщила редакция Н. Федоровой, она медаль получила.

Литературные дискуссии

Ал. СУРКОВ

Учиться, но не имитировать!

Начинающий критик Ир. Питлар выступил на страницах «Литературной газеты» с критическими замечаниями о поэме начинающего поэта Г. Горностаева. Многоопытный поэт С. Кирсанов взял под защиту Горностаева, считая, что поэма «Кремлевские звезды» — «творческая удача молодого последователя поэтики Маяковского».

Ну что же, случай не из ряда выходящий. Два литератора по-разному подошли к оценке мастера поэта, взаимно соглашаясь, что тему он взял современную, на материал взглянул глазами советского поэта. Критик считает, что слепое следование за внешней формой Маяковского мешает Горностаеву. Поэт, напротив, утверждает, что приемы Горностаева — не копирование, а творческое воспроизведение манеры Маяковского, и что это хорошо.

Поспорили бы и разошлись. Кирсанов — с чувством удовлетворения тем, что он еще раз защитил понравившегося ему молодого поэта. Питлар — с чувством удовлетворения от того, что выполнил свой долг критика. Правда, у Ир. Питлар должно еще остаться некое чувство горечи от того, что многоопытный поэт Кирсанов спорил с ним, но особенно стесняясь в выражениях, но зато, так сказать, накладной расход многих полемик, плюс еще встречающийся, к сожалению, пережиток пренебрежительного отношения «мастиного» к «какому-то там».

И все-таки полемика между Ир. Питлар и С. Кирсановым — не только личное дело. И полемика эта касается не только судьбы начинающего поэта Г. Горностаева. Хотели того участники спора или не хотели, но подняли они большой вопрос о преемственности творческих традиций лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи — Владимира Маяковского. Это значи-

тельно шире, чем спор о том, хорош или не хорош Горностаев. Это касается советской поэзии в целом. И не вступать в обсуждение этой темы нельзя.

Перед тем как перейти к главному, надо остановиться на том, что стало поводом для спора, — на поэме «Кремлевские звезды» Г. Горностаева.

Как она написана? Поспевало, небрежно, кое-как. Огромная современная тема произведена не оправдывает небрежности автора. Такая тема, наоборот, требует максимального совершенства формы. Это особенно надо помнить поэту, который заявляет себя принципиальным последователем того, кто написал:

Поэзия — та же добыча радая. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова радая, тысячи тонн словесной руды.

Маяковский, которого Горностаев считает своим учителем, такому элементу стиха, как рифма, придавал огромное эмоционально-смысловое значение. Никто не подарила советской поэзии так много новых, неожиданных, запоминающихся рифм, как Маяковский. Но, при всей своей неожиданности, рифмы Маяковского были именно рифмами, то есть созвучиями, заканчивающими строку. У Горностаева есть много рифм, взятых у Маяковского. Это не плохо. У Горностаева есть кое-где рифмы, наделенные им по принципу Маяковского, — это уже хорошо. Но плохо то, что в сравнительно небольшой поэме Горностаева встречается полное отсутствие рифм, в которых нет главного — звукового тождества. Вот некоторые из них: храбрый — Храпов, очерта — очертаем, Стальтресте — действуйте, товарищем — сварщиклов, открыт — дыры, координаты — карты, утра — руда, ша-

бер — спилбелный, богате — пачки, шапка — шапка, бригада — покатыл, по штрекам — на штреках, мыслимо — коммунизма, насом — оплеса, колесил — синь, разнень — резиновый, сегодня — самоходные, не портал — намордник, заволоко — оеколон и так далее все в том же роде. Это не случайные описки. Это составляет добрую треть всех окончаний строк в поэме. Тут или принципиально нежелание работать над строкой, или — что лучше, — неспособность автора различить звуковой диссонанс.

Сила поэтики Маяковского состоит, в числе прочего, в том, что при ошелмляющей новизне образности, сравнений, сопоставлений образов, созданных им, — всегда образен смысловой и эмоциональный точности. Даже гипербола Маяковского всегда по смыслу и эмоционально ясны. Тут ученик, увы, не следует за учителем.

Верхушка Храпов «...особоила звезду. Погадали ее ладонью, шапкой протеря». Это о кремлевской звезде, которая выше человеческого роста! («Его (кремлевского) созвездия. — А. С.») лучом за сердце тронуть, в баюкоте слезла я помечку и зашагала по фронту новой гитлерки». Хотел Горностаев закончить главу торжественно, а отсутствие чутки к слову привело к обратному результату, вышло не величественно, а ученически наивно. «Бригада, продолжая ключами вертеть», «вылозала в небо праба», «качнула молния каулеры», «мотором кран затернала», «сгода клепальница голову очерта...» — бьют пневматиков очертаем», «бассейн расширен и проташманом сола до Свири, туз до Тамбова». Эти неточности, смысловые и эмоциональные небрежности выписаны мной из взятых наудач двух страниц текста поэмы. Прибавляя новые, страницы, можно было бы упомянуть эти примеры во много раз. Мне кажется, что такое легкомысленное отношение к смыслу каждой строки не обличает в Гор-

ностаеве серьезного ученика Маяковского.

Вот как Горностаев описал огромное техническое сооружение — новую дому: Дома только что с иглолочки. Всталя, полбоченилась.

Цитацией этих строчек С. Кирсанов завершил длинную сентенцию: «Кремлевские звезды» Г. Горностаева — творческая удача молодого последователя поэтики Маяковского. Горностаев ничем интонацией не копнрует. Напротив, пользуется могучим интонационным богатством нового стиха, он говорит своими живыми интонациями. Он любознателен, в его стихах видна жаждность — узнавать, рассказывать о делах советских людей. Описания его очень точны, картинны».

Приведем строчку, описывающую дому, Кирсанов хочет доказать или подтвердить, что это портяжное описание потому и поправилась Кирсанову, что напомнил ему его собственную поэзию, мало схожую с поэтикой Маяковского. Своими «с иглолочки» и ухахским «полбоченилась» Горностаев уменьшил дому до размеров статуэтки на ушеничном столе, чего никогда не делал и чему никогда не учил Маяковский.

С. Кирсанов, в обоснование главных достоинств Горностаева, цитирует заключительные строки его поэмы: Время мить на гибель Черчьялам. Кремлевские куранты делят каждый час на четверти. Они аккурятны! Позвенят, возьмут помолчат и снова вызоват — на пятнадцать минут ближе к коммунизму.

С. Кирсанов пишет: «Здесь Горностаев дает одновременно и звучание и зрительный образ часов Спасской башни. И тут же нам становится ясно, что изобретенная им музыкальная форма строфы порождена мыслью. И вся строфа волнует нас своей убедительной силой, герой в приближение коммунизма — мнута за минутой!»

Так ли это? Я прочел строки Горностаева и не заметил даже намек на зрительный образ Спасской башни. А мысль, выходящая во время кремлевских курантов, о том, что мы «на пятнадцать минут ближе к коммунизму», — эта мысль не нова, ее можно найти в десятках стихов разных поэтов. Не заметил я и особенной «звучательности-музыкальной формы» этих строк, которая, по мнению С. Кирсанова, «волнует нас убедительной силой». Заметил я только раскаты строк «...на-Маяковскому», две или три строчки «на четкие слова» написанные рифмой, да еще строки «кремлевские куранты... они аккурятны», которые, как и в предыдущем случае, сблизают Г. Горностаева не с поэтикой Маяковского, а с первичной звукоигрательной поэтикой С. Кирсанова.

Ир. Питлар, приводя в обоснование подражательности Горностаева строки из поэмы «Тула»: Балкон, провала, кустов скелеты. — «Пала, глыбеть» — «Белые телеграфные ленты оплутинили, обгирляндия...

журит Горностаева за то, что строчки эти написаны в духе «раннего Маяковского». От раннего Маяковского есть в этих строчках интонация. А такие слова, как оплутинили, обгирляндия, или слова, вроде «луччина» из последней строки, янут не от раннего Маяковского, а от приспосабливаемого «сповнегранно оокраченного» Игоря Северянина и вышнего С. Кирсанова.

Г. Горностаев — человек явно необоный, по поэмы его еще воплот и к литературному вкусу и к элементарным правилам стихосложения и часто — даже и элементарной логической логики. Перед тем как их печатать в журнале, редакция «Октябрь» следовало бы заставить автора не спеша очистить написанное от советского шлама, привести форму в соответствие с величественным содержанием.

А Семени Кирсанову и другим восторженным рецензентам Горностаева никак не надо было выдавать его за молодого аполостола Маяковского в нашей поэзии. Это вредно и для самого Горностаева, провозглашающего стадию першпного ученичества в ра-

боте над поэтическими произведениями большой формы, и для многих молодых начинающих поэтов, думающих, что легкое копирование внешности Маяковского и есть славование по пути лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

Побуждения, заставлявшие С. Кирсанова встать за него в защиту Горностаева, благие. У нас слишком мало говорят и пишут о продолжении великолепной традиции Маяковского в современной поэзии. Горностаев настоятелен, принципиально хочет идти по пути, продолженному Маяковским. И, кажется, у него есть данные на успехи на этом пути. Но две его поэмы содержат в себе большое эдементов имитации поэтического голоса Маяковского, нежелания утверждения своей творческой индивидуальности на пути, продолженном Маяковским. Эти вторые элементы еще так скромны, а первые еще так подавляющи, что не дают Кирсанову основания выходить в бой за традицию Маяковского, прикрываясь поэмой Горностаева, как щитом. От его статьи нет пользы советской поэзии и есть вред для Горностаева, мало думающего о своих недостатках.

На этом оставим Горностаева и перейдем к общему вопросу, поставленному в статье С. Кирсанова. В ней он пишет: «Точно так же и стиху великого Маяковского ныне суждено стать достоянием всей нашей поэзии, стать ее новой классической формой. Эта форма выработалась в результате преемственности ее развития русского стиха. Мы говорим: стих Маяковского — это цупкниский стих сегодня! Такова сила выразительности этого стиха, такова степень согласия этой формы с содержанием и духом социалистической эпохи!» И дальше: «Поэтика Маяковского есть и будет естественной классической поэтикой нового общества, а современное «хороших и разных» советских поэтов покажет ее преимущества и в будущем».

Но внешности все правильно в этих словах. Верно, что стиху Маяковского суждено было стать достоянием нашей

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

Сборище поджигателей войны

«Объединенная Европа или смерть...» Этот возглас, столь же демогагический, сколь и либеральный, то и дело раздавался с трибуны так называемой Европейской консультативной ассамблеи, собравшейся в Страсбурге.

Без малого месяц заседают здесь пражские политики тринадцати маришализированных стран — Англии, Франции, Италии, Бельгии, Норвегии, Турции, Греции и прочих сателлитов англо-американского блока, образовавших для «спасения» Европы так называемый «Европейский совет».

Сюда съездили вороны и коршуны, хорошо известные по полету. — Черчилль, Спаак, Видо, Поль Рейно и К°. Действительные и ответные министры и парламентарии льют несонные потоки холуйского красноречия, стараясь высунуться перед американскими патронами.

О какой «объединенной Европе» идет речь? Какая смертельная угроза омыла европейские горизонты? По чьей команде устроено это «светское» сборище ста четырех поджигателей войны и их прислушников, которые, не жалея сил, распыляются в судбах Европы?

Прелюдное движение за «объединенную Европу» имеет длинную историю. Еще до первой мировой войны, в целях осуществления темных политических махинаций, выдвигались различные проекты «Федеральной Европы» или «Соединенных Штатов Европы». Французские правящие круги восхитились этой идеей после первой мировой войны. Они мечтали тогда об «организации» Европы во главе с Францией, либо на основе франко-германского союза. В таком союзе главенствовать должна была Франция, а «объединенная Европа» в целом, по плану империалистов, противопоставлялась Советскому Союзу.

Одним из ярких пропагандистов «европейского движения» был австрийский граф Куденгове-Калерги, которому за хорошо оплачиваемое усердие было даже присвоено французское гражданство. За помощью в «организации новой Европы» Куденгове-Калерги обращался в 1923 году к Муссолини. Последний большого внимания тогда не проявил, но зато за «Европу» ратовали такие и ныне известные персоны, как Блом, Даладе, Рамадье, Рендер, Сфорца, Шахт.

В 1927 году французский министр Арчибальд Бриан стал почетным президентом «Европейского союза», хотя никакой «объединенной Европы» в действительности не было, да и не могло быть. Просто-напросто замыслила комбинация, которые должны были усилить влияние в Европе тех или иных крупных империалистических государств. В 1929 году в печальной памяти Лиге наций обсуждалось предложение о создании европейской федерации. Но империалисты не смогли стоговориться друг с другом, и это предложение, наряду с многочисленными иными проектами, было похоронено, с тем чтобы возродиться вновь через полтора десятка лет в виде коварного заговора против народов Европы, против мира.

Трубадуром «европейского движения» после второй мировой войны явился матерый поджигатель новой кровавой бойни — старая крыса Черчилль. В одной из своих первых речей по этому поводу, произнесенной в сентябре 1946 года в Цюрихе, он дал понять, что основной целью «объединенной Европы» является вовлечение Германии в агрессивную группировку держав. В качестве подполья этой Германии Черчилль вынуждал Францию. В цюрихской речи он прямо заявил, что основой «Соединенных Штатов Европы» должно быть «объединение между Францией и Германией».

Позднее, в статье, опубликованной в швейцарской «Газетте де Лозанна», Черчилль писал, — правда, в замаскированной, слащавой форме, — повторил эту же мысль. «Именно Франция, — писал он, — должна теперь взять немцев за руку и привести их к человеческому братству и ввести в семью наций...» Совершенно очевидно, что под «семьей наций» подразумеваются Западный

военный союз и Атлантический блок, а под черчиллевским «братством» — активное участие русских мажоритов в подготовке военных авантюр, замыслаемых англо-американскими милитаристами.

Идея создания «Европейского совета», за которую ратовал Черчилль в течение последних двух лет в различных комитетах и конгрессах федералистов, активно поддерживает правые социалисты от Блума и Спаака до Эттли и Бевина. Они начали открытую личную пропаганду отказа от национального суверенитета будто бы ради «высших», «сверхнациональных» интересов. В действительности же они ведут идеологическую диверсионную деятельность, расчищая дорогу для колонизации Европы американскими монополиями.

Не случайно именно теперь, когда империалистические круги США выпинают планы развязывания новой войны и стремятся распространить свое господство на новые и новые страны, движение за «объединенную Европу», за «мирное сверхприавительство» (конечно, с Америкой во главе) получает со стороны правых социалистов тайную и явную поддержку.

«Европейский совет» является одним из механизмов подготовки новой войны. Это своего рода дополнение к Западной военному союзу и Атлантическому пакту. Ему предназначена своя, особая роль.

Пока что англо-американские правящие круги не решаются открыто, на глазах у народов мира, включить Западную Германию в откровенно империалистический блок, вроде Атлантического пакта. Это цель они хотят осуществить при посредстве «Европейского совета», который, как это провозглашено в его уставе, будто бы не компетентен заниматься военными вопросами, а создан для осуществления невинных проблем «путем обсуждения вопросов, представляющих общий интерес, и путем соглашения и общих действий в экономической, социальной, культурной, научной, юридических и административных вопросах».

По громким словам о «правах человека» и о «свободе», произносимые сейчас в Страсбурге, являются лишь камуфляжем для прикрытия действительной сущности «Европейского совета».

По сути дела, англо-американские поджигатели войны с помощью «Европейского совета» стремятся прогнать Западную Европу черным холмом в Атлантический океан. Не случайно основным лейтмотивом страсбургских речей является вопрос о приеме Западной Германии в «Европейский совет». Первым это предложение внес Черчилль, его поддержал Видо. И хотя по тактическим соображениям, официальный прием Западной Германии в «семью маришализированных наций» пока еще отлагается, однако очевидно, что к концу сессии Европейской консультативной ассамблеи этот вопрос будет решен. Для сомневавшихся и колебавшихся была даже дана специальная команда государственного секретаря США Ачесона, который 17 августа заявил, что «европейские страны должны выразить желание принять Германию в «Европейский совет».

«Становится совершенно ясной, — пишет газета «Юманите», — роль «Европейского совета», о которой мы не переставали говорить: разрешить реакционной и ревизионистской Западной Германии, колонизированной американцами, стать военной державой в рамках агрессивного Атлантического пакта...»

Следует отметить, что французская правящая верхушка имеет свои скрытые цели в «Европейском совете». Проявляя чрезвычайную активность в организации «европейского движения», французские реакционеры взяли на себя роль прямых проводников американской политики. Они хотели бы потеснить своих английских коллег и принять на себя обязанности американских приказчиков в Европе.

С особым рвением действует претендент на пост премьера Франции — старый предатель французского народа Поль Рейно. Не

стесняясь, он выслуживается перед госдепартаментом. Он заявил, что прекращение так называемой американской «помощи» было бы... катастрофой для Европы. Являясь председателем комиссии по экономическим вопросам Европейской консультативной ассамблеи, Рейно предложил создать постоянный орган для изучения условий, «при которых можно было бы поощрять капиталовложения неевропейских стран и особенно американские капиталовложения».

Если по вопросу о привлечении Германии в «Европейский совет» английские реакционные политики единодушны с американскими правящими кругами, то далеко не безразлично относится Сети к хозяйничанию США в Западной Европе. Англо-американские империалистические противоречия дают себя знать и в «Европейском совете». Кто-то остроумно заметил: единственное, что Англия старит в плюс Америке, это то, что Америка находится от нее за три тысячи миль... Америка же, по словам английского посетителя Олдриджа, «смотрит на Англию, как на выжившую из ума старуху-мать, по-старинке ведущую хозяйство, которое давно пора передать ей, Америке».

Английские правители настороженно рассматривают на американские эгоистические планы в отношении «Европейского совета». Недавно английский журнал «Юрд афферс» писал, что в «Европейском совете» налицо опасность «постороннего вмешательства в английскую экономическую политику» и «в торговые соглашения с заморскими странами». Стремясь предотвратить угрозу американского господства в «Европейском совете», англичане добились таких уставных положений в этой организации, при которых главную роль играет не Европейская консультативная ассамблея, а комитет министров стран — членов «Европейского совета». Интересно, что в этом комитете существует правило единогласия, т. е. право «вето».

Страсбургские сборище характерно и в других отношениях. Перед фактом провала «плана Маршалла» и наступающего экономического кризиса «спасения» Европы не скрывается на демогагическую речь об экономическом возрождении Европы, о полной занятости, о социальном страховании, жилищном строительстве и т. п. Цель этой болтовни ясна: пустить пыль в глаза голодающим народам Западной Европы, отвлечь их от борьбы за осуществление насущных требований.

Так же ясно обнаружилось стремление вдохновителей «Европейского совета» противопоставить маришализированные государства Европы Советскому Союзу и странам народной демократии. Там, где находится Черчилль, не может не быть ядовитой клеветы против СССР, не может не быть пропаганды новой человеческой бойни. Страсбургские клеветники вновь повторяют гнусную выдумку о «железном занавесе», о «сприндильном труде», пытаются отвлечь внимание простых людей от ужасов капиталистической действительности.

Теоретическая идеологическая подготовка к осуществлению безумных англо-американских планов мирового господства ведется планомерно и систематически. «Европейский совет» — одно из звеньев в этой цепи. Еще в прошлом году Черчилль говорил, что после «европейского движения» нужно пойти дальше, дабы создать «мировое правительство». Ему следует и социал-предели Блом, признающий за созданием «Соединенных Штатов Европы», заранее включенных в «мировое сверхгосударство».

В свое время «новый порядок» в Европе» пытался осуществить бесноватый Гитлер. Он же вынашивал сумасбродные планы мирового господства. Теперь этим занимаются англо-американские поджигатели войны.

Но не поджигатели войны судено решать судьбы народов Европы и мира. Это — дело самих народов.

Ку-Клукс-Клан распрялся

В обстановке военной истерии, столь усердно раздуваемой сейчас правящими кругами в США, фашистский Ку-Клукс-Клан действует особенно безнаказанно, несмотря на все протесты прогрессивных организаций страны.

Громилы из Ку-Клукс-Клана сейчас, более чем когда-либо, получают поддержку от представителей крупной промышленности США и оказывают последним немалые «ответные услуги». Об этом свидетельствуют поведение «клановцев» в промышленных районах юга страны, в частности, в городах Бермингеме, Алабаме и Теннесси, где сосредоточены многие металлургические предприятия. Здесь имеют место систематические преследования рабочих — белых и негров. Цель этих преследований — подрыть прогрессивных профсоюзов, в частности, объединенного союза горняков.

Безнаказанность, с которой действует Ку-Клукс-Клан, объясняется тем, что эту организацию поддерживают власти и судбно-полицейский аппарат. Корреспондент агентства Федеретт пресс Беннеди подчеркивает, что лица, близкие к Ку-Клукс-Клану, облакаются официальными полномочиями для того, чтобы проводить в жизнь теорию «превосходства белой расы» и держать негров на «подобающем им месте».

«Практически на юге, — указывает Беннеди, — любой белый может получить разрешение на оружие, особенно, если он заявит, что оружие ему нужно для «кое-каких дел» против профсоюзников или негров».

По сообщениям газеты «Афро-Американ», типичным покровителем Ку-Клукс-Клана является городской комиссар Майяма — самого большого города во Флориде — Лесли Квиг. Квиг известен, как ярый защитник «клановцев», и без стеснения заявляет, что любое отграничение действий этой организации следует считать «противным американскому духу вмешательства».

Не подлежит сомнению, что разнузданность «клановцев» поощряется не только местными властями, но и поведением правительства Трумэна, курс которого в области охраны гражданских прав и борьбы против суда Линча определяется крайне-правым крылом демократической партии, так называемыми «дискриминатами». А связь «дискриминаторов» с Ку-Клукс-Кланом давно известна.

В заключение небезынтересно отметить, что бывший министр юстиции Кларк, ныне назначенный на пост члена Верховного суда США, связан с Ку-Клукс-Кланом. Об этом сообщил в официальном заявлении для печати секретарь прогрессивной организации «Конгресс борьбы за гражданские права» Уильям Паттерсон.

«Морг культуры»

«Приходилось ли вам в последнее время бывать в какой-нибудь публичной библиотеке? Что она собой представляет?.. Грязное, обветшалое здание, провозвещающее своим видом удручающее впечатление».

Так начинается статья об американских публичных библиотеках, напечатанная в журнале «Мэриэн дайджест» под названием «Морг культуры».

Из всех государственных публичных библиотек, имеющих в Соединенных Штатах, только 4 процента (!) обеспечены минимальными средствами, необходимыми для содержания помещения, приобретения новых книг и оплаты труда библиотекарей.

Ни в одной такой библиотеке невозможно достать новые книги. Книжные полки залены старым и макулатурой. Обслуживающий персонал, как правило, недостаточно квалифицирован.

Такова одна из немаловажных причин, по которой 75 процентов населения Соединенных Штатов вообще не пользуется библиотеками.

В. ВИЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ „ОДНОРУКИЙ БАНДИТ“

Так в США народ прозвал игорный автомат. Это большой проглатывающий металлургический шпик с двумя отверстиями — верхним и нижним. «Игра» заключается в том, чтобы, опустив презабавительную монету, дернуть за рычаг, помещенный справа от стороны аппарата; тогда в специальный окошечко появляются изображения различных фруктов. При определенном сочетании этих изображений, из нижнего отверстия автомата выпадают монеты выигранные. Но это бывает крайне редко...

Всякого рода игорные предприятия в США разоряют колоссальное число граждан, главным образом, из среды малоимущих. Самым распространенным и самым опасным для населения является «однорукий бандлит» (однорукий он назван потому, что имеет один рычаг, который дергает после того, как монета опущена).

Шансы на выигрыш ничтожны. Как заявляет американский журнал «Коллержер», выиграть «математически невозможно». Однако люди продолжают играть, так как реклама столь криклива, а стремление улучшить свое материальное положение столь велико, что люди, по словам журнала, «все же играют на свою погибель».

«Однорукие бандлиты» грабят свои жертвы в кабаках и ресторанах, у бензиновых заправок, в бакалейных лавочках и специально приспособленных помещениях. Достаточно сказать, что автоматы зарегистрированы более чем в 70 тысячах пунктов. Они грабят и ночью и среди белого дня. Они разоряют, доводят до семейных трагедий и самоубийств.

В основном их жертвы — рабочие, мелкие служащие, учащиеся и даже безработные, у которых «однорукие бандлиты» отнимают последние центы.

Владельцы автоматов, или, как их называют, «операторы», имеют от десяти до нескольких тысяч аппаратов и получают баснословные доходы. Аппарат стоимостью в 150 долларов, где играют на пятячки, с легкой окупает себя за одну неделю, после чего уже дает чистую прибыль.

Доходы «операторов», например, в графстве Кук (штат Иллинойс) составляют 1 миллион долларов в год. Что касается такого «прославленного» гангстера, как Фрэнк Ротстелло, имеющего связи в Вашингтоне, то его доходы от автоматов составляют свыше 30 миллионов долларов в год. Но американские «операторы» уже не ограничиваются этим. Они давно вывозят «одноруких бандлитов» в колониальные страны юго-восточной Азии. Теперь игорные автоматы начинают появляться и в маришализированных странах Западной Европы.

Игорные предприятия не только разоряют население, они морально отравляют его психику. В некоторых штатах Америки местное законодательство запрещает установку автоматов. Но с помощью денег, вырванных от эксплуатации этих же автоматов, законы легко обходятся и нарушаются, а законодатели подкупаются и подчиняются.

Действия «операторов» вызывают огромное возмущение населения, но власти не принимают никаких мер против «одноруких бандлитов». В конгрессе за 25 лет было выдвинуто пять законопроектов о запрещении такого вида грабежа, однако все эти проекты благополучно затрещали в комиссии конгресса. В штате Монтана изданы законы, запрещающие организацию игорных предприятий, но тут же он был обойден: автоматы разрешили держать «в частных клубах» при условии оплаты налогов. Число «клубов» стало немедленно расти, — они возникали, как грибы после

дождя. За короткий срок в этом штате их было открыто свыше 600. Размеры многих из этих «клубов» не превращались вавеса, под которым стоял «однорукий бандлит». Что касается оплаты налогов, то «операторы» всегда охотно выходяют такое требование. Их готовность в данном случае объясняется очень просто: за один автомат в среднем нужно заплатить 100 долларов налога — сумма совершенно ничтожная по сравнению с доходами «операторов».

Наряду с протестом против действий этих грабителей, прогрессивная общественность требует также закрытия предприятий, изготовляющих автоматы; требует запрещения этой «индустрии массового грабежа». Но все это остается голом воплющего в пустыне. Предприятия работают полным ходом. Главные из них находятся в Чикаго. Ведущей является фабрика «Миллс новостной компании». На этих фабриках сотни рабочих и десятки инженеров трудятся над выпуском «одноруких бандлитов». «Инженеры тратят у чертовых столов тысячи часов, чтобы изобрести какую-нибудь уловку, которая могла бы помочь быстрее и лучше извлекать деньги у населения», — пишет «Коллержер».

Фабрики устраивают в фешенебельных отелях Чикаго выставки своей «продукции»; организуют папиные «параллельные открытия» и банкеты, на которых присутствуют «выдающиеся операторы» и «заинтересованные лица». В одном из таких банкетов участвовало свыше 500 человек.

Власти покровительствуют этой «индустрии». Во время второй мировой войны Бюро военного производства само выдавало чикагским фабрикам разрешения на внеочередное получение дефицитных материалов, необходимых для изготовления автоматов, хотя эти материалы распределялись в порядке строгой очередности.

Наряду с властями, явно покровительствующими «индустрии грабежа», владельцы автоматов мобилизуют себе в помощь и «науку». В данном случае представители науки занимаются изучением «проблем азартных игр». Некий «доктор» Эдмунд Берглер из Нью-Йорка установил, например, что существуют две категории игроков: простой игрок и игрок-первостепенный. Последний, мол, «бессознательно хочет проиграть» (почеркнуть доктором). Игра является его «детским восстанием» против авторитетов и средством осуществления такого восстания, а сам человек, опущающий монету, в процессе игры «чувствует себя веселым».

Протест и борьбу человека против явля капитализма Берглер и его хозяева очень хотели бы направить в русло азартных игр. Такого рода «восстания против авторитетов», разумеется, весьма приемлемы для представителя Уолл-стрита.

Берглеру вторит его коллега — «доктор» Ф. Дэвис из Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Он заявил, что «экстаз игрока органичен и психологичен» и потому грабительские игорные предприятия являются законными с точки зрения науки. А некий «профессор» Нью-Йоркского университета Клаудес Кларк решил сконструировать... автомат для игры на «одноруком бандлите». Труды «ученого» увенчались созданием «робота специальной конструкции для сохранения мускульной силы».

Общая сумма «граблений» народа с помощью азартных игр, включая «одноруких бандлитов», ежегодно достигает 15 миллиардов долларов, не считая моральных последствий этого массового разорения миллионов...

В. МИНАЕВ

Американское гестапо

Мистер Гувер за работой

«Вы идете по своим делам, и вдруг сыщик схватывает и обыскивает вас... Вы сидите в кругу семьи, внезапно врывается отряд полицейских и обдирает вас дом... Невозможно? Увы! Читайте, как «стремляющаяся отличиться» полиция ежедневно нарушает права граждан в Америке».

Эта трагедия открывается скандально-разоблачительной статьёй в реакционном журнале «Америкен». В статье всякого рода возмущительные беззакония, творимые охранкой и полицией над рядовыми гражданами США, старательно «объясняются» одной лишь причиной: стремлением американских жандармов показать, что они, мол, не даром «едят свой хлеб».

На деле, разумеется, факты, приводимые в журнале «Америкен», свидетельствуют совсем о другом: они неопровержимо доказывают, что столь раздуваемой американской пропагандой миф о «свободе личности» в США фальшив от начала и до конца! Современная Америка есть типичное полицейское государство, в основе которого лежит полный произвол правящих кругов и их террористического аппарата.

Отнюдь не случайно, таким образом, главарь американской охранки, именуемой Федеральным бюро расследований, Эдгар Гувер получил возможность недавно с большой pompой отразивать ввадцатипятилетие своей «деятельности». Характерно, что познать шумиху в печати по сему случаю было поручено таким известным громадчелом пера, как Дрю Пирсон и Уолтер Уинчелл. Американская охранка пышно и без всяких стеснений импровизировала в «справажном» сообщении агентств Юнайтед Пресс «высшим национальным учреждением». А сам обер-жандарм Гувер,

самодовольно оглядываясь, заявил: «Никогда не переделаешь всей работы».

Какого рода «работу» имел в виду мистер Гувер — догадаться нетрудно. Его наглое заявление было воспринято американскими трудящимися с негодованием и возмущением. Однако сам факт предоставления Эдгару Гуверу возможности помпезно отразивать свой «убойней» и активное участие в этом «событии» буржуазной печати красноречиво свидетельствуют о подлинном лице современной американской «демократии». Ибо обер-жандарм Гувер — специалист по преследованию «опасных мыслей» и сытию отпечатков чальцев у всех «подозрительных» — и есть истинный «герой» американского образа жизни!

Государственная тайная полиция существовала в США с первого дня существования Соединенных Штатов как самостоятельного государства.

Сейчас, когда Соединенные Штаты представляют собою олот наиболее агрессивного, разбойничьего империализма, весь этот полицейско-террористический аппарат полностью приспособлен правящими кругами к целям и нуждам их политики.

Система сыска и слежки охватывает буквально всю территорию и все население страны. Что касается методов деятельности, то в этом смысле тайная полиция США и в первую очередь Федеральное бюро расследований вполне выдерживают сравнение с гестапо.

Множество фактов свидетельствует о том, что бюро служило и продолжает служить прежде всего американским монополиям. Иные руководители ФБР этого даже не скрывают. Так, выступая на одном из заседаний комиссии по ассигнованиям палаты представителей США, Эдгар Гувер прямо потребовал увеличения ассигнований в связи с рядом «задач ФБР». Как он выразился, в их число входят также

«расследование жалоб монополий». Аргумент оказался достаточно веским, и требование Гувера было безоговорочно удовлетворено.

Цифры бюджетных ассигнований дают весьма реальное представление о систематическом расширении деятельности ФБР. Иначе говоря, об усилении полицейского террора, направленного против самых широких кругов американского народа.

В 1947 году смета ФБР составила около 29 миллионов долларов — почти треть бюджета министерства юстиции. Обосновывая необходимость отпуски таких огромных средств на нужды охранки в обстановке «мирного времени», Эдгар Гувер заявил конгрессу, что эти ассигнования необходимы, так как ФБР «предстоит трудная работа». Господа конгрессмены оказались не только догадливыми, но и податливыми: они одобрили требуемые ассигнования.

Однако в 1948 году и этой суммы оказалось недостаточно для гестаповских операций Гувера, и он получил уже 32 миллиона долларов. В 1949 году расходы ФБР еще более возросли. Следует одновременно подчеркнуть, что, помимо этих официальных бюджетных ассигнований, в распоряжение ФБР поступают многочисленные средства для расходования по «специальному назначению».

Простой человек

в сетях ФБР

ФБР — один из основных «столпов» триумфального полицейского государства, «демократии доллара». Американская охранка имеет весьма разветвленный аппарат, занимающий центральное место во всей системе террористического устрашения народных масс.

Миллионы американских граждан постоянно находятся в поле наблюдения, а еще точнее — «полицейской слежки» ФБР.

Лично современная американская «демократия» неплохо рисует тот факт, что в США в широких масштабах нарушается тайна частной переписки граждан. Для этого применяется достаточно тонкая ан-

паратура, большей частью не оставляющая следов при вскрытии почтовых отправления.

Американская охранка не только подсматривает, что пишут рядовые граждане США, но и подслушивает, что они говорят. В арсенале технических средств полицейского сыска существует и для этой цели специальная аппаратура.

Шушальцы американской охранки захватывают миллионы рядовых граждан США. В газете «Вашингтон пост» появился снимок, на котором был изображен аппарат для подслушивания, найденный ретпортером по скамейкой в одном из парков Вашингтона. Провода от этого аппарата тянулись прямо кхонько к расположенному неподалеку полицейскому участку.

Любопытно отметить, что когда в штате Нью-Йорк с обычным для американской демократии ханжеским лицемерием был издан закон, по которому подслушивание разрешалось лишь с санкции суда, суд не замедлил в течение нескольких лет выдать миллион (!) таких разрешений.

Все эти и подобные им методы, широко использовались гестаповцами в гитлеровской Германии, давно практикуются и американской охранкой. Однако никогда за всю историю США они не применялись в столь широких масштабах и столь бесстыдно, как сейчас.

«Свобода личности» по-американски

В уже упомянутой статье, помещенной журналом «Америкен», аккуратно перечисляются виды наиболее часто практикуемых властями беззаконий, направленных против так называемых «конституционных прав» рядового американца. Эти беззакония весьма детально разбиты на группы и снабжены рубриками: «Незаконные вторжения в дома и обыски»; «Подслушивание телефонных разговоров»; «Вымогательство денег»; «Незаконное задержание»; «Применение физического насилия и пытки».

Уже одно разнообразие этих рубрик дает полное основание автору статьи за-

явить: «Я установил, что нарушение гражданских свобод со стороны тех, кто должен был являться главным стражем этих свобод, свирепствует по всей стране». Нью-Йоркский судья Франк Оливер, характеризуя американскую «законность», вынужден был признать: «Любой дом может быть объектом вторжения и обыска, будь то днем или ночью, без какого бы то ни было ордера и вообще без причин!».

Типичный случай незаконности действия ФБР описан в журнале «Коронет». В статье, озаглавленной «Кто сказал, что американцы свободны», рассказывается об откровенном вопиющем факте произвола властей. На дом к некоему Роберту Холлу, проживавшему в штате Георгия, пожаловали местный шериф и двое полицейских. Не предъявляя ордера на арест и без всяких объяснений, они надели на Холла наручники и увезли его. Когда полицейская машина остановилась у здания тюрьмы и Холл вышел из нее, шериф и полицейские стали его избивать. Затем полумертвого Холла втащили в тюрьму и бросили в камеру. Здесь он, не приходя в сознание, умер.

Автор статьи, обращаясь к американскому читателю, пишет: «Если вы с вами подумаете над тем, что произошло с Робертом Холлом, то поймете, что он не обладал правами гражданина и члена общества, как не обладаем этими правами и мы с вами, и что так называемые права и свободы имеют в современной Америке едва ли большее значение, чем права и свободы евреев при гитлеровском режиме».

Американское законодательство официально декларирует за обвиняемым «право молчания». Полицейским и судбно-следственным властям по закону вменяется даже в обязанность предупреждать любого гражданина о том, что он имеет право хранить полное молчание и не обязан представлять какие-либо доказательства против самого себя. На деле все это, разумеется, никогда не соблюдается, о «свободы личности».

бодная Америка всегда была страной, где процветали всяческие насилия над гражданами, и допрос «с пристрастием» здесь совершенно обычное явление.

Американский буржуазный журналист Фредерик Браунелл в статье «Это может случиться с вами», разоткровенничавшись, сообщает: «Во многих полицейских отделениях избитые задержанные считаются частью служебного долга. «Благотворительности» ценятся с точки зрения их способности нанести удар в челюсть или в живот, чтобы успокоить бутону, который настаивает на своих правах. Для детектива, выполняющего задание, удар в пах ногой является одним из средств пружуждения в подчинении».

«Не бойтесь выдать им как следует — этот «дозунг», провозглашенный в свое время главой полиции Нью-Йорка Валентином, превратился в своего рода руководством к действию и стал методом обращения жандармов со всеми «подозрительными» американцами. То же можно сказать и о призыве комиссара полиции Валленера «схватить дух из порочных элементов». Таким образом, широко применяемый допрос «третьей степени» представляется собой по сути дела соединение «истинно американской» террористической практики и гестаповского опыта; перед таким сочетанием бледнеет все ранее известное в данной области».

Мы далеко не исчерпали всего разнообразия методов и средств, с помощью которых полицейско-террористический аппарат правящих кругов США «опекает» миллионные массы американского народа, ведет за ним регулярную круглогодичную слежку, уделяя особое внимание тем, кто зачислен в разряд «подозрительных» и «неблагонадежных» лиц. Но и приведенных фактов вполне достаточно, чтобы представить в подлинном виде американскую «демократию» с ее изблюбленным мифом о «свободе личности».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.